

© **Гончаров Сергей Захарович**

доктор философских наук, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, gsz2004@mail.ru

Духовное созерцание и целостный духовный акт в обретении конкретного мышления

Аннотация. В статье раскрывается эвристика духовного созерцания и целостного духовного акта в развитии конкретного мышления. Рассматривается значимость единства творческих сил в аспектах таланта и гения. Представлены особенности того духовного акта, каким творится русская культура.

Ключевые слова: воображение; интуиция; духовное созерцание; целостность духовного акта; предметность мышления.

DOI: 10.17853/2312-3281-2015-4-44-58

© **Goncharov Sergey Zakharovich**

Doctor of Philosophy, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg), gsz2004@mail.ru

Spiritual Contemplation and the Holistic Spiritual Act in Finding Concrete Thinking

Abstract. The article reveals the heuristics of spiritual contemplation and holistic spiritual act in the development of concrete thinking. The author discusses the importance of unity of creative forces in terms of talent and genius, and presents peculiarities of that spiritual act which contributes to the development of the Russian culture.

Key words: imagination; intuition; spiritual contemplation; integrity of the spiritual act; concreteness of thinking.

DOI: 10.17853/2312-3281-2015-4-44-58

Одна из важных задач образования – обретение студентами конкретного мышления, умения мысленно погружаться в сам предмет и раскрывать его существенное содержание на языке самого предмета.

Умение мыслить конкретно и предметно – это, своего рода, пропуск в науку. Ранее автор данной статьи попытался изложить феноменологию креативности духовного (сердечного) созерцания [1, с. 78–90]. Раскроем теоретически основания такой креативности. Вначале поясним отличие духовного созерцания от *созерцания чувственного* и *созерцания в воображении*.

Специфика духовного созерцания

Чувственное восприятие может быть неосознанным. В таком случае оно еще не созерцание. Чувственное созерцание – это *осознанное* и теоретически нагруженное чувственное восприятие; при этом субъект может отстраняться от самого акта созерцания и контролировать его. Чувственное же восприятие само по себе работает, как правило, по такой схеме: оно располагает одно рядом с другим в *пространстве* или одно после другого во *времени*; при этом ему дано *внешнее многообразие явлений без их внутреннего единства*, без тех связей, которые, словно нервные нити, соединяют части в целое.

Когда субъект созерцает предмет в *воображении*, то он пытается схватить именно такие связи – *внутреннее единство* во внешнем пестром многообразии; обнажить *форму, строение, структуру предмета*. Это – *мыслящее созерцание* в сфере воображения, обычное в научном познании. В воображении велика доля эмпирического материала, которое оно перерабатывает в понятия и смыслы, в целое. Обзор предмета в воображении готовит собой условия для духовного созерцания.

Духовное созерцание тоже мыслящее, точнее, разумное, но с тем отличием, что субъект переносится в предмет в большей мере, вживается в него, становится им и созерцает его в аспекте чистого *смысла* и сути предмета, убирая все лишнее: предмет созерцается изнутри самого предмета так, что он, как будто, обладает своим «я» (самостью), которое пронизывает изнутри все свойства предмета так же, как наше *Я* проходит, как нож сквозь масло, через все наши чувственные состояния.

Духовное созерцание – это созерцание самого «я» предмета, его самости, из которой и созерцаются конкретные качества и свойства предмета и его отношения с иными предметами. Полнота по-

гружения в предмет осуществляется благодаря любящему сердцу, из которого и исходит духовное созерцание. Предмет в акте такого созерцания предстает как одухотворенный, свободный, самостоятельный и целостный. Примерно такой же, как наше *Я*, пронизывающее все ткани наших конкретных состояний.

Кроме этой **качественной** стороны есть и **количественная** сторона отличия: духовное созерцание обозревает смыслы в их символических облачениях, и поэтому оно не так локально, как созерцание в воображении, менее привязано к частностям и ему присущи панорамность, обозрение смыслов в составе *неоконечного Целого*; вспомним созерцание Ф. И. Тютчева: «Живая колесница мироздания / Открыто катится в святилище небес».

Поясним генезис духовного созерцания. И. Кант определил значимость связки «**чувственность – воображение – рассудок**». Рассудок перерабатывает посредством воображения восприятия в понятия. Но синтез самих понятий в систему осуществляет мышление на стадии **разума**. Разум развивается из рассудочной стадии. Чувственность тоже развивается. Возникает особый род чувств не от физических воздействий, а от **переживания значений** (радость, уважение, презрение). Это – понимающие чувства, «чувства-теоретики» (К. Маркс). Сосредоточием такого рода чувств является сердце как душевно-духовный орган, о котором писали классики русской философии (Б. П. Вышеславцев, И. А Ильин и др.) Связке на душевном уровне психики «чувственность – воображение – рассудок» соответствует на духовном уровне связь «**сердце – духовное созерцание – разум**». Представим это схематично (рис. 1):

Рис. 1. Соотношение двух уровней психики

Мышление само по себе синтезирует восприятия со стороны формы, структуры; сердце же синтезирует восприятия на основе однородного чувства совершенства, творя синтез эмотивный (от слова «эмоция»), сугубо **ценностный**. Поэтому, замечает С. Н. Мареев, – «идеал не может помещаться в “голове”, он всегда в “сердце”» [7, с. 98].

Как апперцепция (это И. Кант обосновал) есть источник единства логического сознания, так и однородное чувство совершенства есть основа единства всего ценностного сознания, его **качественный субстрат и первоисток положительных качеств и ценностей**. Сердце и разум стремятся к **безусловному**: сердце – к идеалу, разум – к самодостаточному предельному началу, которое содержит в себе основание собственного бытия и является самообоснованным и самообусловленным (субстанция у Спинозы). Оба вектора таких стремлений объединяются в **духовном созерцании**. Такое стремление сердца и разума объяснимо: субъект выходит за пределы внешней природы и собственной чувственности, всего эмпирического материала, укореняется сердцем и помышлением в **предельном основании**, чтобы, исходя из него, преобразовать существующую реальность согласно императивам должного.

Если интуиция, писал Э. В. Ильенков, есть то же воображение, но переведенное в подсознание и работающее в автоматическом режиме, то духовное созерцание есть «небо» воображения, его *высшая разрешающая способность*, направляемая не одними понятиями рассудка, а емкими **смыслами и целями разума**.

Из особенностей духовного созерцания следуют и его *благодатные* дары для предметности мышления:

- поскольку предмет созерцается из его «я» (самости), то такое созерцание *предметное*, а не *произвол фантазии*; причем *существенно предметное* (постигается сущность предмета); будучи предметным, такое созерцание является *конкретным*, причем *духовно-конкретным*, а не чувственно-конкретным, что присуще чувственному созерцанию с его внешней обыденностью, эмпиричностью, которая сама лезет в глаза;

- **духовно – конкретное** содержание есть **единство в многообразии**, а не только многообразие без единства (чувственное созерцание) или единство без многообразия (рассудок); так творится ду-

ховно-конкретное воссоздание предмета в понятиях науки, образа искусства, символах религии и др. благодаря интенции, сосредоточенности духовного созерцания;

- духовно-конкретное содержание предстает как *целостность* («органичность»), когда мера целого составляет *смысл* частей, а части предстают как органы целого; при этом мера целого и меры частей согласованы, **гармоничны**, что составляет неотъемлемое условие **художественности**;

- позволяя схватывать предмет целостно, духовное созерцание дарует тем самым, во-первых, **эвристичность**, открытие скрытых отношений (ибо кто понимает целое, тот понимает и назначение частей в составе целого), во-вторых, **эстетичность**, тяготеющую к *художественности*;

- сердечное созерцание, далее, дарует способность воспринимать предмет как свободный и самодеятельный; ибо такое созерцание исходит из любящего сердца, которое поет свободно и самодеятельно; тем самым субъект страшится от рассудочного **формализма**, объективизма, статичности (метафизичности) и **редукционизма**, особенно в понимании **социальной реальности**;

- созерцание предмета в составе неоконечного Целого позволяет обрести в понимании предметной области **панорамность**, **полноту** и открывает возможность выхода за рамки канона к новому «органону», к пониманию новых граней и измерений бытия;

- все, вместе взятое, сообщает человеку общую, «экзистенциальную», **жизненную креативность** – в восприятии, воображении, созерцании, волеии, вере, любви.

Звездный мир преломляется на экране нашего восприятия двояко – чувственно и духовно. В первом измерении он дан нам как нечто материальное, телесное (тяжелое, упругое, твердое, одно давит на другое, сковывает и т.п.). Во втором, духовном, измерении панорама иная: универсум свободно, по собственному «почину», согласно своим многообразным свойствам имманентно развертывает свое содержание, и оно раскрывается как свободная игра сил, как сочетание многообразных стремлений, «порывов», как *целосообразность* энергий в виде стройных мер, порядка, гармоний и согласованности различных гармоний.

Когда преодолеваешь вплетенность чувственного сознания в «вещественность», то создается устойчивое впечатление о том, что подлинность «звездного мира» раскрывается именно на экране духовного созерцания. И тогда в универсуме (субстанции) разум человека ищет и находит себе подобное – удивительную *целосообразность*, процессуально-предметно выраженную «разумность», развернутую в многообразии целостностей и взаимодействий, взаимовлияний. Откуда такая бессознательная разумность? Имманентно присуща универсуму или содеяна Творцом? Ответ на этот вопрос зависит от веры. Б. Спиноза, Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, Э. В. Ильенков полагали, что универсальная субстанция действует многими способами, одним из которых является мышление, как продолжение целосообразности природы; субстанция мыслит всегда, но не везде, а при определенном стечении обстоятельств. Мышление понимается нами как целосообразность, ставшая намеренной целенаправленностью.

Следует отметить панорамный аспект мышления, его *космологическое* измерение как силу универсальной субстанции. Природе присуща *целосообразность* – согласованность *частей с целым* благодаря материальным взаимодействиям, следующим из *самих свойств* субстрата, из *материала природы*. Такая согласованность явлена в разной степени у различных фрагментов природы. В прозрачном виде целосообразность проступает на уровне живого – клетки, растения, живого организма. Об этом убедительно писал Гегель в своей «Философии природы». Организм ассимилирует неорганический материал и создает из него свое «самостное единство» (Гегель). И вот всеохватная целосообразность природы, освобожденная от материального элемента, предстает как идеальная устремленность на целое – как целенаправленность. *Целенаправленная идеальная сила, знающая саму себя, и есть мышление*, Разум в его космологическом измерении.

Универсальная субстанция, по Спинозе, действует многообразными способами: она не только простирается в пространстве, движется во времени, обнаруживается как сила гравитационная, электромагнитная, целосообразная, но и являет себя в форме разума. Разумность существа состоит в действиях, следующих не из свойств природного субстрата такого существа, а из учета *закономерностей других внешних тел*, причем *любых*, как подчеркивал Э. В. Ильенков, из учета того обширного

целого, в составе которого действует такое существо. И такое целое для разумного существа *не окончено*. Разумные существа способны перестраивать порядки природы в целесообразные целостности и выступать в качестве такого космического фактора, который имеет возможность, в принципе, управлять всеми стихийными силами.

В любом случае, независимо от «символа веры», достойнее утверждаться в восприятии универсума таким, каким он преломляется на экране его духовного созерцания. Ибо при такой доминанте восприятия «мир» не подавляет дух своей грубой материальностью и создается возможность понимать «мир» в его новой грани – в свободном самораскрытии потенциалов и сил, что является предпосылкой творческого созерцания. Ф. Энгельс, выдающийся космист, владел даром панорамного духовного созерцания «звездного мира» – в его динамике, процессуальности, борьбе сил, в восхождении космоса от звездной пыли до белковых тел и до разумных существ, которые пытаются в своей истории взять под свой контроль общественный жизненный процесс.

Отмеченные дары духовного созерцания в их совокупности превращают мышление в его *высшую* форму – в **созерцающее разумное мышление**, которое присуще гениальным философам, поэтам, писателям и художникам. Сердечное, духовное, созерцание погружает мышление в сам предмет, и субъект мыслит о предмете, из предмета и языком самого предмета. Мышление становится *предметным*. Понятийное творчество невозможно вне духовного созерцания. Последнее есть созерцание самих смыслов, полностью лишенных грубо-телесной оболочки вещей. Возникает свободное парение мысли в *смысловом поле значений*. Рождается *очевидность* в постижении тех скрытых отношений, «нервных нитей», которые изнутри соединяют части в целостность.

О постижении предмета в акте очевидности писали Декарт и Лейбниц, Шеллинг и Гегель. Созерцание смыслов ведет, выражаясь языком И. Канта, к обретению «*синтетических суждений*», к приросту нового содержания. Духовное созерцание *эвристично*, поэтому И. А. Ильин отождествлял его с «творческим созерцанием».

Апперцепция сама по себе есть безмолвная однородная самоактивность, которая модифицируется рассудком и воображением, превращающим данные живого созерцания в понятия. Понятия определены, устойчивы в своей определенности, и как таковые, взятые в их

отъединенности, есть немые всеобщности, окаменелости, «скелеты» вещей, некие деревянные счеты, или четки. Чтобы возжечь их окаменелость, привести в движение и в процесс, мышлению необходима рефлексия над работой рассудка, и оно переходит на высшую орбиту, становится *разумом*. Разум направляет рассудок, овладевает понятийными взаимосвязями, постигает процессуальность всего сущего и становится продуктивным только тогда, когда становится созерцающим. Духовное же созерцание есть единение сердца и разума, ценностного и смыслового измерений. Поэтому разумное созерцающее мышление всегда и **аксиологично**. Разум совестлив и свободен от пошлости рассудочного мышления. Понятия как деньги. Деньги, не обеспеченные товарами, подвержены инфляции. Понятия, не обеспеченные творческим созерцанием, бывают беспредметными или дают «скелет» предмета. Сколько ни говори «система, система», «бифуркация» и «аттрактор», от этого без творческого предметного созерцания образ целого в его конкретности не появится. Чем больше в нашей стране издавалось работ о «системном методе» в 70-80 годы XX века, тем более формальной становилась и философия, и ее прикладные исследования. Без творческого созерцания омертвляет всякий метод – и диалектический, и системный, и синергетика. В полемичной статье мы постарались детально проследить рассудочное применение аналогий синергетики в области педагогики и психологии [2, с. 114–124].

После основательных работ Э. В. Ильенкова выходило много литературы о методе восхождения от абстрактного к конкретному. Уверение в единственной верности этого метода резко контрастировало с творческой продуктивностью его применения. Ибо в работах о диалектике абстрактного и конкретного исчезло *духовное созерцание*. Между тем К. Маркс в наброске о методе политической экономии сразу ссылается на то, что предмет как целое должен витать в представлении, созерцаться. Рассудок потому не выносит противоречия, что он *не созерцает* мыслимый предмет. Созерцающее мышление схватывает единство противоположностей в том или ином *образе* становления. Прирост содержания в мышлении осуществляется благодаря мысленному созерцанию: субъект сам «превращается» в *предмет*, сам творит *его процессы* и сам же *созерцает результаты процесса*, как это теоретически выразил Гегель в учении о сущности и понятии. Конкретное

мышление невозможно без духовного созерцания предмета как целого в частях. Поэтому Фихте и Шеллинг обоснованно писали об эвристичности «интеллектуальной интуиции», «интеллектуального созерцания». Созерцающий разум Гегеля породил изумительную духовную конкретность в постижении различных предметных областей.

Духовное созерцание, гениальность и талант

В духовном творчестве есть две функции: способность *творческого созерцания* и способность легкого и быстрого проявления, *выражения*. Ими люди одарены не в равной мере. Нередко предполагают, будто талантливый человек всегда исходит из *творческого созерцания*. На самом деле, подчеркивает И. А. Ильин, правильно называть «талантом» только *вторую* силу. Талант сам по себе есть дар легко и быстро, ярко и метко выражать все, что проносится через внутренний мир человека. Наличие таланта определяет не то, *что* человек творит, а лишь то, *как* он это делает. Талант блещит, сверкает, чарует. Между тем «талант, оторванный от творческого созерцания, *пуст* и беспочвен» [4, с. 342–343]. Талант нуждается не только в умении и технике. Ему необходим еще «*духовный опыт, творческое созерцание, творческое вынашивание*, чтобы не создавать пустую красоту или соблазнительную яркость» [4, с. 345]. Поэт В. Г. Бенедиктов, отмечает Ильин, был мастер слова. Но он был лишен творческого созерцания, и сказать ему было почти нечего. Ф. И. Тютчеву присуща сила творческого созерцания. Его поэзия пропета из «таинственной стихии мира и человечества», из ее древнего хаоса. Он не только созерцал, но и умел петь «о муках и восторгах созерцания». Но сила его таланта не всегда поспевала за его безмерным видением. У М. Ю. Лермонтова сила созерцания просыпается задолго до того, как созрел его талант [4, с. 346].

Так обстоит дело и в живописи, и в научном познании. Есть люди с глубоким духовным созерцанием, которые не могут ни вообразить (облечь увиденное в земные образы), ни изобразить (передать и закрепить эти земные образы для других). Эти подспудные мудрецы уходят обычно или в молитвенное подвижничество, или в философию [4, с. 348].

Гениальность И. А. Ильин связывает со способностью творческого созерцания, которое и есть источник *предметной конкретности*. «Ху-

дожественное искусство, – делает вывод Ильин, – возникает только из сочетания двух сил: силы духовно-созерцающей и силы верно воображающей и изображающей увиденное». Творческое созерцание – *«истинный и глубочайший источник художественного искусства»*, ее *«алтарь и гений»*, «здесь таится вдохновение – эта *благодатная сила творческого перворождения*». В созерцании и вдохновении художник прозревает за пеленой явлений некие гармонии и совершенные отношения, и талант художника становится «лишь живою и верною арфою узренных им содержаний» [4, с. 351].

Сказанное целиком применимо и к философии, и к различным наукам. Живое созерцание дает материал *наличного* бытия в виде многообразия без внутреннего единства. Мышление с помощью воображения ищет единство в многообразии, отделяет внешнее от внутреннего, несущественное от существенного, оно ищет устойчивое, основу и конкретное основание явлениям; оно становится рефлексивным, все сравнивает и устанавливает существенные различия в пределах одного основания, из которого выводит необходимые определения предмета как целого. Но такую рефлексивную, различающую деятельность, мышление может осуществлять успешно, если оно погрузилось в предмет и из него добыло в акте духовного созерцания целого новые и существенные определения. Сам рассудок не эвристичен без духовного созерцания. Он обречен сам по себе на **внешнюю рефлексию**, при которой субъект придерживается **то одного основания, то другого**. Так возникают субъективное **резонерство** и многообразие «мнений» предмете. Созерцающее разумное мышление *рефлектирует так, как само целое через свои процессы рефлектирует о себе через взаимодействие своих частей*. Это стремился выразить Гегель в своем учении о сущности.

Творческая продуктивность целостного духовного акта

Характерным для русской философии XIX–XX веков является учение о целостности души (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков), о целостном духовном акте (И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.). Целостный духовный акт есть взаимная дополнительность и согласованность главных духовных сил – мышления, понимающего *объективную истину*, нравственной воли, ориентированной на сотворение *добра*, а не зла, эстетического созерцания и продуктивного воображения,

воспринимающих *красоту*, одухотворенной веры, устремленной на *предельные и совершенные ценности*, совести, оценивающей помыслы и деяния с позиций *должного совершенства*, любящего сердца, способного воспринять лучшее, избрать его и жить им.

Срастаясь воедино, эти способности образуют *целостный духовный акт*, в котором «соло» каждой из них дополняется «хором» всех остальных; возникает «симфония» духа, дарующая полноту миропереживания и миропонимания, произвольное творчество и радостную самореализацию. Как внешние органы чувств, дополняя друг друга, порождают целостный чувственный образ, так и главные духовные силы, взаимобогащая друг друга *разной духовной модальностью*, позволяют обрести *целостное* миропонимание, свободное от односторонних крайностей.

Разъединение духовных сил порождает «частичный» духовный акт и одномерное мировоззрение: мышление в отрыве от воображения, совести и любви создает картину механической Вселенной, фабрично-заводской или рыночный взгляд на человека; воля сама по себе утверждает одну дисциплину и организацию, полицейское государство; воображение вне совести эстетизирует пороки, вера вне мышления и любви, впадает в иллюзии, химеры и галлюцинации; инстинкт вне идеала разнудывает подсознательные «ночные» силы души.

Понимание предметной области зависит не только от ее содержания, но и от той *интеллектуальной оптики* воззрения на предмет. Единство духовных сил – *необходимая предпосылка продуктивного творчества*: за умением специалиста оптимально решать профессиональные задачи скрываются *развитое логическое мышление, продуктивное воображение, эстетический вкус, честность и ответственность, столь важные в профессиональной надежности*.

Сердце и разум, соединенные духовным созерцанием, суть два крыла творческого взлета и парения духа в путешествиях за открытиями. Целостность духовного акта позволяет личности:

- понимать и переживать реальность достаточно полно, связывать *объективный* научный метод с *ценностным*, быстро усваивать *межпредметные* связи, использовать художественные образы, модельные аналогии из различных областей в процессе творческого усвоения и развития знания; т.е. иметь стартовые преимущества в общем деле, быть творчески продуктивной;

- достаточно адекватно понимать своеобразие людей, исходя из полноты личного субъективного опыта, что составляет важный компонент профессиональной подготовки специалиста, особенно психолога, педагога и др.;
- быть субъектом глубинного, а не одномерного общения, обрести *взаимопонимание* в различных видах коммуникации.

Но чтобы понимать многообразный контекст человеческого бытия, надо обладать духовными органами для такого понимания, которыми и выступают главные продуктивно-творческие силы, взятые в их единении.

Своеобразие духовного акта русской культуры

Понятийным выражением универсальности духа явилась у Гегеля *диалектика* как логика нарастания *конкретного* богатого содержания.

Вся последующая философия в ее классических вершинах созидалась как продолжение того мощного импульса, который сообщил Гегель мыслящему разуму. К таким вершинам по праву можно отнести *классическую русскую философию* от И. В. Киреевского до А. Ф. Лосева включительно.

Дух универсальности обрел в русской философии особый *национальный* окрас, качественные приращения не только по глубине и широте исследования реальности, но и, что важно, в силу особенного *духовного акта* познания, понимания и выражения.

Каждый народ имеет доминанту в своем душевно-духовном укладе, что проявляется в выражениях «старая, добрая Англия», «деловая Америка», «великая Германия», «прекрасная Франция или «Святая Русь». Такой уклад («менталитет») составляет *ведущий духовный акт*, каким народ творит свою культуру и жизнь. Такой акт определяется *особым сочетанием доминирующих духовных сил*.

И. А. Ильин выразил духовный акт русской культуры в статье «О русской идее» и конкретно изложил его в ряде иных работ. Эта творческая идея России формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благодатную силу, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях. «Русская идея, – подчеркивал И. А. Ильин, – есть идея *сердца*. Сердца, созерцающего *свободно и предметно* и передающего свое видение *воле* для действия

и *мысли*, для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию» [5, с. 323].

В российской ментальности Ильин выделяет силы первичные и вторичные: «первичные силы» (сердце, созерцание, свобода, совесть) «определяют и ведут», а «вторичные силы» (мысль и воля, форма и организация) «вырастают из них и приемлют от них свой закон» [5, с. 29]. На громадном историческом и художественном материале Ильин убедительно обосновывает такое строение национального духовного акта. «Русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести» [5, с. 329].

Западный менталитет имеет иное строение: в нем рационально-волевое начало доминирует над духовно-ценностным [5, с. 327]. Первенство сердца в русской ментальности имеет издержки в том смысле, что в реализации поставленных целей эмоции часто уводят мысль и волю в сторону, поэтому задачей воспитания является развитие последовательности в мышлении и твердости воли: «нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания – свою особую, новую русскую культуру воли, мысли и организации [5, с. 327–328].

В русской науке сложился **метод живого творческого созерцания предмета как целостности**. Такое созерцание не отменяет логику, а наполняет ее *живой предметностью*, не попирает факты и законы, а схватывает *целое в частях*. А кто понимает целое, тот понимает и назначение частей. Отсюда следует **фундаментальность** русской науки, которая была духовно зрячей, а не слепой: она не застревала на внешней стороне предмета (эмпиризм), не убивала рассудочной формалистикой его живую органику (рационализм), но творческим созерцанием схватывала целое в частях – «организм» природы, «экономический организм» страны, «целостную жизнь» изучаемого языка, дух и судьбу народа за историческими деталями.

Метод русской науки – это духовное созерцание целостности предмета. Из этого метода следует *масштабность* русской научной мысли, соединенной с живой конкретностью, будь то историография (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Е. Забелин), педагогика (К. Д. Ушинский),

медицина (Н. И. Пирогов), естествознание (Д. И. Менделеев, В. И. Вернадский) или вся русская математическая школа.

Целостность же схватывается только созерцанием! Русская классическая философия была столь же фундаментальной, потому что она исходила из духовного созерцания, творческой свободы, предметной конкретности и ответственности. Ее творческий характер, ее гениальные прозрения, ее глубина в изложении ценностных основ духа, нравственности, искусства, правосознания и государства, труда и собственности, семьи и воспитания, национального самосознания и Родины, культуры и хозяйства можно объяснить тем, что творцы этой философии вобрали своим духовным актом *чувство совершенства, определяли им значение событий и синтезировали именно им конкретный материал жизни и духа в целостную картину богопознания и миропонимания*. Русская философия была и будет постижением совершенства в акте сердечного созерцания, которое наполняет логику живой предметностью и выражается в конкретном понятийном мышлении.

Русское искусство, подчеркивал Ильин, призвано развивать «тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководствовалось доселе. <...> У русского художества *свой национальный творческий акт*: нет русского искусства без горящего сердца, ... без сердечного созерцания, без свободного вдохновения, <...> без ответственного, предметного и совестного служения. А если будет это все, то будет и впрямь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формой и ритмом» [5, с. 329]. Русская культура цвела тогда, когда она творилась стремлением любящего сердца к совершенству, сердечным созерцанием скрытых гармоний.

Остро актуальны мысли Ильина и о воспитании в «грядущей России». Бессердечная «формальная образованность вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации» [6, с. 179]; то «шкурничество», то «беспринципную изворотливость, тот «циничный эгоизм», при которых невозможны «культурное творчество», общественное строительство», понимание высшего измерения вещей, дел и людей [6, с. 183]. Практический эгоцентрист и циник, не ведающий высшего смысла и дела, будет существом социально опасным.

Под «Предметом» Ильин понимал Дело, объективно лучшее по содержанию, достойное духовной сущности человека. Он писал: «Жить предметно – значит связывать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни *высший, последний смысл*. Мы все призваны к тому, чтобы найти эту ценность, связать себя с нею и верно осмыслить ею наш труд и направление нашей жизни. Мы должны увидеть оком сердца предметное значение и назначение нашей жизни» [6, с. 182].

Отечественная культура, включая философию, обретет второе дыхание, если она унаследует в XXI веке качественный дух совершенства и свой духовный акт – акт творческого созерцания, который исходит из любящего сердца и поставляет материал мышлению для оформления и воле для осуществления и организации.

Чтобы студенты не путали мышление с вербализмом, с оперированием словами, целесообразно в цикле гуманитарных дисциплин воспитывать умение мысленно удерживать предмет в представлении и созерцать его существенное процессуальное содержание.

Литература

1. Гончаров С. З. Акмеология сердечного созерцания и его креативные возможности в образовании / С. З. Гончаров // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2005. № 5. (32). С. 78–90.
2. Гончаров С. З. О синергетике, редукции и эвристике / С. З. Гончаров // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2005. № 2 (32). С. 114–125.
3. Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. Москва: Русская книга, 1994. Т. 3. С. 89–326.
4. Ильин И. А. Талант и творческое созерцание / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. Москва: Русская книга, 1996. Т. 6. Кн. 2. С. 340–351.
5. Ильин И. А. О русской идее / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. Москва: Русская книга, 1993. Т. 2, кн. 1. С. 419–431.
6. Ильин И. А. О воспитании в грядущей России / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. Москва: Русская книга, 1993. Т. 2, кн. 2. С. 178–192.
7. Мареев С. Н. Встреча с философом Э. Ильенковым / С. Н. Мареев. Изд. 2-е, доп. Москва: Эребус, 1997. 192 с.